

Карьера Лу Сяоманя в качестве ассистента длилась уже четыре дня, три из которых он провёл пластом в общежитии. Пока парень мучился от жуткой головной боли, виновник его страданий терзался не менее сильным чувством вины. Впрочем, Лао Эр умудрялся превращать даже муки совести в возможности, изо всех сил стараясь загладить вину делом.

— Сокровище моё, тебе хоть капельку лучше? — Чэнь Вэньцао осторожно перешагнул через гору дорогуших коробок с БАДами и витаминами, загроздивших пол, и подошёл к кровати Сяоманя.

— У-у... — донёсся из-под одеяла слабый голос. — Лежать ещё ничего, но стоит встать — и мир сразу пускается в пляс.

— Эх, никогда не видел ничего подобного. Чтобы от одного глотка три дня в отключке... Если и дальше так пойдёт, придётся в больницу ложиться.

— Не надо, я просто отлежусь, и всё пройдёт. У папы так же: вечером наклюкается так, что готов мыло грызть, а за ночь поспит — и как огурчик.

— Ясно, семейство у вас чудесатое. Но послушай, если ты не поправишься в ближайшее время, в нашей комнате скоро не останется места для этих подношений. Этот босс из «Тяньши» какой-то странный. Ты в стельку пьяный, а он шлёт витамины. О, опять морской огурец! Он же его уже присылал, разве нет?

— Угу... Он сказал, что этот можно просто заваривать кипятком, варить не обязательно.

— Сяомань, ну чего ты вечно в одеяло кутаешься? Не душно тебе?

— Привык уже. Шеф последние пару дней заходит меня проведать, вот я и прячусь.

— Эх, будь ты девчонкой — цены бы тебе не было. С таким покровителем горя бы не знал до конца жизни, не то что я: обложился книгами, зубрю на госслужащего...

— Лао Эр, я не согласен, — Сяомань резко сел в постели, его лицо стало на редкость серьёзным.

— Кха! — Чэнь Вэньцао, как раз собиравшийся сделать глоток воды, поперхнулся и брызнул во все стороны. — Т-ты... ты хоть понимаешь, что значит это «быть вместе»?!

— Конечно. Это когда двое любят друг друга и потому всегда рядом.

Вэньцао ошарашенно уставился на совершенно невозмутимого Сяоманя.

— И это... твой папа так сказал?

— Да. Папа говорит: если любишь искренне, остальное неважно. И нужно хватать своё счастье, пока оно не упорхнуло, иначе любовь просто улетит. Ну и в истории полно было таких примеров... Платон там всякий.

Сяомань смотрел с такой святой наивностью, что Лао Эр невольно сглотнул.

— Погоди... у тебя что, уже появился кто-то на примете?

Сяомань решительно помотал головой:

— Мне ещё и восемнадцати нет! Папа сказал: никаких ранних романов!

«Ну слава богу», — выдохнул Вэньцао, решив про себя, что за те несколько месяцев, что остались Сяоманю до совершеннолетия, он просто обязан вправить парню мозги и объяснить разницу между традициями и... экзотикой.

— О! Сяомань, ты сидишь! А ну-ка, попробуй встать?

Сяомань, слегка покачиваясь, поднялся на ноги.

— Ура! Кажется, отпустило! Лао Эр, сколько времени? Мне нужно на работу!

— Сокровище, ты в своём уме? Уже три часа дня, рабочий день к концу подходит.

— Плевать! Если я не приду, все лучшие идеи пройдут мимо меня! — Сяомань наспех натянул одежду и вихрем вылетел за дверь.

Стоило ему переступить порог «Тяньши», как он тут же почувствовал необычное оживление. Сяомань даже слегка заревновал: неужели им тут так весело, пока его нет?

— Ой, Сяомань пришёл! Говорили, ты простудился, тебе уже лучше? — первой его заметила красавица Линда.

Тут же сбежались остальные сотрудницы. Кто-то тискал его за щёки, кто-то ерошил волосы. Сяомань уже привык к этому ежедневному ритуалу «приветствия» и смиренно стоял, позволяя женщинам проявлять нежность.

— Да я вроде и не простужался...

— Ой, посмотрите на него, ещё и отпирается! Шеф сам сказал. Ишь, как исхудал-то, надо больше кушать. Кожа да кости, а ведь за мягкое щипать приятнее, хи-хи!

Видя на лицах коллег уже знакомые улыбки, Сяомань почувствовал, как на душе потеплело. Всего три дня отсутствия, а он уже успел по всем соскучиться.

— Сестрёнка, а чего все такие возбуждённые сегодня?

— А ты и не знаешь? Сегодня шеф представил свой новый шедевр! Это такой уровень... Эдисон говорит, работу вполне могут отправить на Каннский фестиваль рекламы!

— Шедевр? — Сяомань при слове «Канны» мгновенно подобрался, ощутив сильного конкурента.

— Реклама текилы. Заказчики в полном восторге, мы на пороге подписания контракта с международным гигантом! Ой, да куда же ты... Сяомань, ты чего так припустил?

— Я к боссу! — крикнул он уже на бегу.

Ян Хэсюань дремал в своём кресле. Он давно не занимался проектами лично. С одной стороны, контракт на рекламу текилы Sauza был для производителя Pedro Domesc ключом к китайскому рынку — успех обещал блестящие перспективы. С другой стороны, Ян и сам почувствовал небывалый прилив вдохновения. Творческий зуд заставил его за одну ночь набросать сценарий и эскизы. Затем — день на обсуждение, шлифовка специалистами, ещё день — презентация клиенту. Меньше трёх дней на всё про всё. Даже в юности он не работал так быстро. Неудивительно, что Эдисон, увидев эскизы, вовсе трунил, что босс переживает вторую молодость.

Хэсюань приоткрыл глаза и заметил в дверном проёме невысокую тень, которая нерешительно топталась на месте. Он мгновенно улыбнулся.

— Лу Сяомань, заходи!

Сяомань бочком протиснулся в кабинет, рассматривая всё что угодно, только не самого Хэсюаня.

— Простите! — выпалили они в один голос.

— А тебе-то за что извиняться? — усмехнулся Ян.

— Ну... обещал неделю быть ассистентом, а три дня проспал.

Ян Хэсюань на мгновение замер.

— Пустяки. В этом... есть и моя вина. Ты как, поправился?

— Да! — Сяомань энергично закивал. — Я готов к работе прямо сейчас.

Хэсюань рассмеялся:

— До конца дня всего час остался, что ты собрался делать? — Но, заметив, как вытянулось лицо парня, тут же добавил: — Ты ведь ещё не видел проект для Sauza. Считай, ты тоже приложил к нему руку.

Он протянул Сяоманю копии материалов. Сяомань впился в листы глазами, и постепенно его взгляд становился всё более заворожённым.

[Тема: Старая, как дуб (oak-aged) / Забудь о суровой реальности]

[Первый макет: «Родословное дерево»]

[Визуал: Фон в тёплых янтарных тонах текилы Sauza. В центре — могучий дуб, ветви которого увешаны фотографиями двух семейных ветвей: отца и матери. Снимки охватывают несколько поколений, от верхушки до самых корней]

[Копирайт:]

[1. Янтарный цвет текилы Sauza — результат многолетней выдержки в дубовых бочках. Этот цвет — знак её благородства и мягкого вкуса]

[2. Sauza — это история. Дуб — символ стойкости, свидетель смены эпох. Это дерево, пережившее столетия бурь, держит свои ветви, как «родословную», где в каждом листе записана история рода]

[3. Наглядный контраст между ветвями родителей: по линии матери — сплошь красавцы и красавицы с лицами голливудских звёзд. По линии отца — сборище чудаковатых и, мягко говоря, несимпатичных личностей, у которых к тому же явные проблемы со зрением]

[4. А вот и вы (you). Ваше фото в самом низу, у корней. Глядя на снимок, ясно: вы унаследовали красоту материнской линии, но, увы, вам досталось и фамильное косоглазие отца. Что ж, такова жизнь — она редко бывает идеальной. Она слишком сурова. Так забудьте о

несправедливости мира, окунувшись в мягкость текилы, как делали ваши предки]

[Второй макет: «Печенье с предсказанием»]

[Визуал: Стол в ресторане после бурного ужина. Гора посуды, пустые тарелки и бутылка Sauza. Рядом — разломанное печенье с предсказанием с запиской]

[Копирайт:]

[1. Вам «повезло» найти записку в печенье. Вы разворачиваете её и читаете: «Это была не курица»]

[2. Ваша удача лишь в том, что вы узнали правду: то, что вы только что съели, считая курицей, было чем-то совсем иным. Жизнь сурова и полна подвохов на каждом шагу. Но текила Sauza — совсем другое дело. Это юмор и лёгкость. Даже если это чёрный юмор, он дарит вам ни с чем не сравнимое удовольствие]

Эти два макета, лаконичные, но глубокие, несли в себе мощный коммерческий дух и культурный подтекст. Они били точно в цель — в западную «дионисийскую» культуру вина. Жизнь скучна и монотонна, и тебе нужна встряска, чтобы двигаться дальше. Тонкий юмор, растворенный в крепкой текиле — неудивительно, что иностранные заказчики кричали «wonderful!». При этом дизайн идеально балансировал на грани: он дарил ощущение экзотики, но оставался понятным и близким потребителю. Вот что значит идеальный союз коммерции и искусства.

Сяомань был настолько потрясён работой мастера, что долго не мог вымолвить ни слова. В конце концов он просто бессильно опустился на пол прямо там, где стоял.

Хэсюань тут же бросился к нему, помогая подняться:

— Что с тобой? Опять голова кружится?

Но Сяомань смотрел на него так, что даже привычный к любым деловым штормам Хэсюань почувствовал себя неловко.

— В чём дело? Тебе плохо? Может, мне...

— Учитель! — во весь голос возопил Сяомань, едва не бухнувшись в ноги.

Ян Хэсюань аж вздрогнул от этого неожиданного признания.

— Что ты сказал?

— Учитель, я теперь навеки ваш! Буду ходить за вами хвостом! — Сяомань напрочь забыл о своём страхе перед боссом. Теперь в его сердце жило только чистое, незамутнённое поклонение кумиру. Трудно было сказать, хороша это новость для самого «кумира» или нет.

— Не называй меня учителем, — мягко произнёс Ян, явно решив, что новость всё-таки хорошая. — Называй меня просто... Сюань. Хорошо?

— Сюань? — Сяомань попробовал имя на вкус и тут же передёрнулся от неловкости, замахав руками. — Нет-нет, не могу! Это слишком... Давайте я лучше буду звать вас Учитель.

— Зови Сюань! — Ян мгновенно вернул себе маску «ледяного босса».

Сяомань притих, но не сдался:

— Ну... тогда Учитель Сюань?

Ян Хэсюань посмотрел на парня и в конце концов лишь обречённо вздохнул, потрепав его по волосам.

— Ладно. Зови меня просто «босс».

— Идёт! — Сяомань тут же просиял. Мир и гармония в кабинете были восстановлены.

<http://bllate.org/book/17579/1710881>